

Рассказ И. Бунина не «народен» в том смысле, что писатель отнюдь не стремится героизировать, «монументализировать» житнетворчество русского человека, этнически родственно опозитизировать харизму народной души, напротив, он показывает что представители «почвы» уже не являются обладателями и хранителями высших нравственных достоинств, не отмечены благочестивым вниманием к чистоте и порядку во внутреннем мире человека, не способны отрешиться от запаса фальшивых ценностей, выпасть из стадного «мы» с его ограниченным и успокоенным сознанием. И, тем не менее, рассказ несомненно находится в системе национально-культурной ментальности, овеваны духом православной бытовой и бытийно-онтологической русскости. Зловеще звучащие ноты, связанные со смещением сокровенных начал в давнопрошедшее время, эсхатологические интонации не отменяют главное — поиск опоры в «архаических» традициях евангельской этики, которые, являясь высшей философской и нравственной мерой, предстают в качестве животворных корней национального бытия.

Таким образом, исходный смысл агиографического подхода к трактовке образа Христа ради юродствующего разворачивается в художественном пространстве рассказа «Иоанн Рыдалец» И. Бунина в варианте, внешне контрастирующем с ожиданиями «душеполезного чтения», но при этом сохраняющем энергию и идею первоначального семантико- и структурообразующего посыла. Использование концептуальных идейно-образных доминант первичной «инстанции» позволило писателю придать сюжету рассказа высокий уровень семантической концентрации и аксиологического драматизма, отобразить в ограниченном жанровыми рамками словесном объеме «всю» действительность — не только в конкретно-личностном и социально-историческом, но и в универсально-бытийном преломлении.

Литература

1. Бунин, И. Собр. соч.: в 6 т. / И. Бунин. — М.: Худож. лит., 1987. — Т. 3: Повести и рассказы 1907–1914 гг. — 671 с.
2. Грушко, Е. В., Медведев, Ю. И. Словарь имен / Е. В. Грушко. — Нижний Новгород: ИНКОМ НВ, 1997. — 548 с.
3. Четвериков, С. И. Бог в русской душе / С. И. Четвериков. — М.: Вита-центр, 1998. — 276 с.

Елена Крикливец (Витебск)

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО

В XX в. сформировался ряд концепций времени и пространства в художественном произведении. В современном литературоведении данным категориям также уделяется большое внимание, поскольку они служат основными координатами художественного мира, обеспечивают его целостное восприятие и организуют композицию произведения.

Временная и пространственная категории отражают систему духовных представлений писателя и его эпохи; выражают мироощущение, «модель мира»

[3, с. 351] автора, его бытийную концепцию, определяют образ героя. Являясь важнейшим компонентом поэтики, художественное пространство-время становится «одним из критериев типологии жанра» [1, с. 235].

Можно утверждать, что исследование категорий художественного времени и пространства выступает «ключом» к постижению идейно-художественной концепции произведения, к изучению творчества конкретных писателей в контексте историко-культурных особенностей эпохи.

Структурным элементом пространственно-временной организации художественного мира является топос. Однако *топос* — это не только единица *хронотопа*, но и образная универсалия, благодаря которой осуществляется межкультурная коммуникация. В связи с этим категория топоса представляется нам наиболее репрезентативной с точки зрения сравнительно-типологического исследования творчества В. Астафьева и В. Козько.

Проблематика и поэтика произведений этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников, их авторским мышлением в создании художественной концепции универсума. Сохраняя творческую индивидуальность, они демонстрируют национальную ментальность и общечеловеческую позицию. Сравнительно-типологический ракурс исследования позволяет сделать вывод о прочных взаимосвязях русской и белорусской литератур, их общих и особых чертах в отражении мира и человека.

В качестве ключевых топосов, организующих художественные модели мира, созданные в прозе В. Астафьева и В. Козько, следует выделить *топосы дома* и *дороги*, поскольку их можно считать основополагающими как для русской, так и для белорусской культурной традиции.

Рассматривая топос как элемент пространственно-временной организации произведения, следует учитывать, что для *топоса дома* в прозе В. Астафьева и В. Козько основополагающими будут пространственные характеристики, поскольку конституирующий признак *дома* — стабильность, минимальная подверженность изменениям, а для *топоса дороги* — напротив, временные, так как *дорога* предполагает движение, перемещение, развитие — процессы, происходящие не только в пространстве, но и во времени. Следовательно, категорию времени в художественном мире писателей воплощает именно *топос дороги*.

Типы и формы художественного времени в прозе В. Астафьева и В. Козько связаны, прежде всего, с *топосом дороги* в значении жизненного пути человека. Так, жизненный путь героя в творчестве В. Астафьева подчинен доминирующей модели движения *из дома в мир*. Преобладание данной модели соотносится с приоритетным для русского этноса процессом расселения, освоения новых территорий. Время в произведениях писателя (при наличии ретроспективных элементов) развивается поступательно от прошлого к настоящему и будущему. Такое время можно охарактеризовать как **линейное**.

Топос дороги, подчиняясь **линейному времени**, обуславливает сюжетное движение в произведениях В. Астафьева. Все сюжетные схемы, представленные в прозе писателя, на наш взгляд, являются инвариантами общего типа

сюжета — **сюжета становления**. Сюжет становления появился в литературе в эпоху художественной модальности и представляет собой трехчастную модель «ситуация — становление — открытый финал». Исходной ситуацией становится в произведениях В. Астафьева уход героя из *дома* (с которым ассоциируется прошлое), после чего начинается процесс становления героя, социализации, поиска себя *в мире* (происходящий в настоящем). Практически все центральные произведения В. Астафьева имеют открытый финал, соотносимый с будущим героя после того, как тот прошел этап испытаний и становления (вернувшийся с войны Витя Потылицын, пришедший к пониманию семейных основ Леонид Сошнин, прошедшие через «плацдарм» герои романа «Прокляты и убиты» и др.).

В творчестве В. Козько жизненный путь героя соответствует модели движения *из мира в дом*, которая воплощает идею вечного возвращения (инвариант идеи национального возрождения, характерной для белорусской ментальности). Отправной точкой сюжетного развития становится этап, с которого начинается возвращение героя к родным корням. В связи с этим художественное время в произведениях В. Козько можно определить как **циклическое**, апеллирующее к мифологическому сознанию.

Соответственно многообразию сюжетных схем в прозе белорусского писателя подчинено общему **циклическому типу сюжета**. **Циклический сюжет** имеет глубокие мифологические корни, характерен для многих жанров фольклора и литературы. Все его варианты представлены трехчастной структурой: первое звено обычно предполагает отправку в чужой мир или потерю; второе звено связано с пребыванием персонажа в чужом для него мире и / или прохождением через смерть, поиск; третье звено — возврат, восхождение, обретение. В творчестве В. Козько первый этап, потеря (обычно потеря *дома*), представлен в ретроспективе и соотнесен с прошлым. Движение сюжета начинается, как мы отмечали, со второго этапа пребывания героя в чужом мире, поиска себя, своего прошлого (происходит в настоящем времени). Третий этап связан с возвращением в прошлое, которое герой обретает вместе с *домом* (будущее = прошлое).

Абсолютное большинство произведений В. Козько не содержит, в отличие от произведений В. Астафьева, открытого финала потому, что возвращение в прошлое часто становится попыткой вернуться в правремя, т. е. в ситуацию «отсутствия» времени (герои возвращаются в *дом*, а *дом* в представлении писателя категория вневременная, аккумулирующая значение вечности). Это особенно характерно для героев с мифологическим сознанием (а таких у В. Козько большинство), так как «в восприятии мифологическим сознанием времени присутствует страх перед изменениями (или нежелание изменений), перед течением времени, поэтому носитель данного типа сознания стремится к «остановке» времени или к воспроизведению своими действиями мифического акта» [2, с. 21].

Несмотря на то, что в произведениях В. Астафьева и В. Козько представлены разные типы художественного времени, соотносящиеся с моделями движения героев по своему жизненному пути и обуславливающие различные типы сюжетных схем, в целом категория времени в прозе писателей имеет

общие признаки. В частности, художественное время в творчестве В. Астафьева и В. Козько характеризуется **дискретностью** и **обратимостью**. Линейное течение времени в прозе В. Астафьева не исключает наличия ретроспективных моментов, связанных с воспоминаниями героев о своем прошлом (о *доме*). В прошлом для героев В. Козько остается не только *дом*, но и этап потери *дома*, следовательно, весь отрезок их жизненного пути вплоть до этапа, с которого начинается возвращение, представлен в произведениях белорусского автора ретроспективно.

Отметим, что преобладающим модусом художественного времени в прозе В. Астафьева становится **модус настоящего времени**, так как именно события, происходящие в настоящем героя, составляют основу повествования. В творчестве В. Козько доминирует **модус прошедшего времени**, поскольку герои вспоминают о прошлом, пытаются обрести свое прошлое и в нем самих себя (Колька Летечка, герой-повествователь романа «Хроніка дзетдомаўскага саду», Германн Говар и др.), а основой повествования выступает процесс возвращения героя в прошлое.

Кроме того, *топос дороги*, определяет и формы художественного времени, представленные в произведениях В. Астафьева и В. Козько. Так, *дорога* как жизненный путь героя обуславливает присутствие **биографического времени** в прозе писателей, отражающего переход героя от детства к юности, от юности к зрелости, от зрелости к старости.

Реализуясь в социальном аспекте, *топос дороги* не только воплощает индивидуальный путь личности, но и соотносится с историческим путем народа. Следовательно, в творчестве В. Астафьева и В. Козько отражено **историческое время**, раскрывающее знаковые события в жизни общества. Таковыми в прозе писателей выступают коллективизация, Великая Отечественная война, послевоенная действительность, мелиорация Полесья, авария на ЧАЭС.

Актуализируя экологический аспект, *топос дороги* обуславливает наличие в произведениях В. Астафьева и В. Козько **календарного времени**, отражающего смену времен года, которой подчинена сельскохозяйственная деятельность крестьян. Эта форма времени особенно ярко представлена в повестях В. Астафьева «Последний поклон» и «Ода русскому огороду», в романе В. Козько «Неруш».

Итак, в творчестве писателей-современников В. Астафьева и В. Козько складываются определенные образы времени как личного, так и исторического. Специфика этих образов объясняется спецификой функционирования *топоса дороги* в произведениях русского и белорусского прозаиков. В художественной модели мира, представленной в прозе В. Астафьева, время отражает поступательное развитие как жизни отдельного человека, так и истории в целом. Каждый следующий этап осмысливается как новый, обусловленный логикой причинно-следственных связей. Художественная модель мира В. Козько тяготеет к синкретизму, к мифологическому мировосприятию, а с конца 80-х гг. XX в. испытывает влияние модернистской эстетики. Характерными чертами художественного времени в его произведениях являются цикличность,

повторяемость. Эта повторяемость определяет, по В. Козько, не только личную жизнь человека, но и развитие истории.

Таким образом, анализ *топоса дороги* в прозе В. Астафьева и В. Козько позволяет не только выделить ключевые модели движения, но и охарактеризовать основные типы и формы художественного времени, представленные в произведениях писателей. Описание временных координат помогает определить специфику, конституирующие признаки художественных моделей мира в творчестве русского и белорусского авторов, выявить их представления о времени и человеке в нем.

Можно сделать вывод, что, с точки зрения В. Астафьева, индивидуальная жизнь человека и исторический путь народа представляют собой процесс непрерывного развития, обновления, освоения нового опыта. По В. Козько, жизнь человека и государства — это постоянное возвращение к пройденному, к традициям, к прежнему опыту. Мировоззренческие особенности авторов, на наш взгляд, обусловлены их национальными особенностями и культурными традициями. В широком смысле для русской ментальности важен процесс накопления (в том числе нового опыта, новых знаний, культурных ценностей); для белорусского этноса первостепенную важность приобретает процесс сохранения, сбережения уже имеющихся этических и эстетических ценностей, поскольку именно он становится залогом национальной самобытности.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1975. — 503 с.
2. Боровкова, О. В. Топос социально-исторического времени в историческом сознании: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / О. В. Боровкова; Томск. гос. ун-т. — Томск, 2002. — 23 с.
3. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — М.: Наука, 1979. — 352 с.

Тацяна Барысюк (Мінск)

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ВОБРАЗЫ СВЕТУ І ЧАЛАВЕКА Ў ПАЭЗІІ ЯЎГЕНІЯ ЕЎТУШЭНКІ (1986–1995 ГАДЫ)

У сваёй сучаснай паэзіі Я. Еўтушэнка асэнсоўвае з’явы, падзеі і людзей Расіі, дзе доўгі час жыў, Беларусі*, адкуль яго продкі, паказвае свае адчужанні як эмігранта ў ЗША (штат Аклахома), дзе цяпер жыве і працуе.

Як быццам у рэчышчы канцэпцыі антынамічнасці нацыянальных характараў, Расію паэт успрымае як краіну кантрастаў, дзе высокае суседнічае з нізкім, гераічнае — з ганебным. Так, у вершы «Допотопство» Я. Еўтушэнка «России Гагарина и Шостаковича», «Пожарского с Мининым», Расіі-даследчыцы космасу [1, с. 203]. проціпастаўляе ўбачаную ім на вуліцы жанчыну з рулонам туалетнай паперы, павешанымі на шыі, нібыта каралі, і «бой за кроссовками в ГУМе» [1, с. 203]. Паэт спрабуе зразумець прычыны прыніжанасці простага

*Сваю сустрэчу з беларускімі сваякамі паэт апісвае ў паэме «Мама і нейтронная бомба» (1982).